

В. А. Мильчина

<https://orcid.org/0000-0003-3896-0085>✉ vmilchina@gmail.com

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (Россия, Москва)

«ОЛЬГА ВСТРЕТИЛАСЬ В ТУАЛете С ЦИРКУР...»: НУЖНО ЛИ ШОКИРОВАТЬ ЧИТАТЕЛЯ АРХАИЗМАМИ?

Аннотация. В названии статьи процитирована фраза из письма Александра Ивановича Тургенева московскому почт-директору Александру Яковлевичу Булгакову от 9/21 февраля 1838 г.; речь идет о дочери Булгакова Ольге Александровне, в замужестве княгине Долгоруковой. Конечно, всякий человек, имеющий какое-то представление об истории русской лексики, должен понимать, что в XIX в. слово *туалет* значило не то, что столетие спустя, и что упомянутые дамы встретились отнюдь не в дамской комнате. Однако *встретиться в чем-либо* в значении 'совпасть' (явный синтаксический галлицизм) — конструкция редкая и потому в первую секунду может шокировать читателя и вызвать у него недоумение или улыбку. Меж тем Тургенев явно не рассчитывал на подобную реакцию; он просто хотел сообщить своему старому другу, что видел его дочь на одном из парижских балов. Казалось бы, переводчику иностранных произведений позапрошлого века, если он заинтересован в так называемой темпоральной стилизации и стремится обозначить дистанцию между нашим временем и временем написания переводимого произведения, нет ничего лучше, чем черпать из русских текстов подобные яркие слова и выражения. Однако цель статьи, написанной с точки зрения практического переводчика французских произведений первой половины XIX в., состоит в том, чтобы предупредить: пользоваться этой красивой нужно очень осторожно. Мало того, что стилистически нейтральный текст окажется состаренным сверх меры, во многих случаях читатель просто не поймет, о чем, собственно, идет речь и что такое *женский орган*, *веселое гульбище* и *тонкий перехват*. Впрочем, есть случаи, когда приходится идти наперекор читательским привычкам, иначе переводчик совершенно исказит картину повседневной жизни прошедшей эпохи. Такова ситуация с переводом французского слова *soulier*, для которого современные франко-русские словари дают значения 'башмак', 'туфля' или даже в обратном порядке: 'туфля', 'башмак', хотя в XIX в. слово *туфли* обозначало только домашние туфли, чему во французском соответствовало слово *pantoufles*, *soulier* же, даже если речь идет о бальной обуви, следует переводить только как *башмак* или в крайнем случае *башмачок*.

Ключевые слова: художественный перевод, темпоральная стилизация, Александр Тургенев, Шарль Нодье, архаизмы, галлицизмы, туалет, башмаки, туфли

Благодарности. Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

Сердечно благодарю за ценные подсказки М. В. Ахметову, О. Е. Майорову и М. Д. Долбилова.

Для цитирования: Мильчина В. А. «Ольга встретила в туалете с Циркур...»: нужно ли шокировать читателя архаизмами? // Шаги/Steps. Т. 12. № 2. 2026. С. 27–41. EDN: BVFCUH.

Поступило 26 октября 2025 г.; принято 4 апреля 2026 г.

Shagi / Steps. Vol. 12. No. 2. 2026
Articles

V. A. Milchina

<https://orcid.org/0000-0003-3896-0085>

✉ vmilchina@gmail.com

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)

“OLGA MET TSIRKUR IN THE TOILETTE...”: IS IT NECESSARY TO SHOCK THE READER WITH ARCHAISMS?

Abstract. The article’s title quotes a phrase from a letter from Alexander Ivanovich Turgenev to the Moscow postmaster general, Alexander Yakovlevich Bulgakov, dated February 9/21, 1838. The phrase refers to Bulgakov’s daughter, Olga Alexandrovna, who upon marriage became Princess Dolgorukova. Of course, anyone with some understanding of the history of Russian vocabulary should understand that in the 19th century, the word *tualet* ‘toilette’ had a different meaning than it did a century later, and that the ladies in question certainly did not meet in the ladies’ room. However, *vstretit’sia v chem-libo* ‘meet in something’ in the sense of “coinciding” (a clear syntactic Gallicism) is a rare construction and therefore can immediately shock the reader, causing confusion or a smile. Turgenev, however, clearly did not expect such a reaction. He simply wanted to tell his old friend that he had seen his daughter at a Parisian ball. It would seem that a translator of foreign works of the same period, interested in so-called temporal stylization and seeking to mark the distance between our time and the time of the work being translated, would do well to draw these most striking words and expressions from Russian texts. However, the purpose of this article, written from the perspective of a practical

translator of French works of the first half of the 19th century, is to warn: this point must be used with extreme caution. Not only will a stylistically neutral text appear overly aged, but in many cases the reader will simply not understand what's being discussed, or what a *woman's organ*, a *merry revelry*, or a *subtle accent* mean. However, there are cases where it's necessary to go against reader habits, otherwise the translator will completely distort the picture of everyday life in a bygone era. Such is the case with the translation of the French word *soulier*. This article discusses ways to adequately translate it and demonstrates that it shouldn't be confused with indoor slippers, which correspond to the French word *pantoufles*.

Keywords: literary translation, temporal stylization, Alexander Turgenev, Charles Nodier, archaisms, Gallicisms, toilette, shoes, indoor slippers

Acknowledgments. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

I sincerely thank M. V. Akhmetova, O. E. Maiorova and M. D. Dolbilov for their valuable suggestions.

To cite this article: Milchina, V. A. (2026). "Olga met Tsirkur in the toilette...": Is it necessary to shock the reader with archaisms? *Shagi/Steps*, 12(2), 27–41. EDN: BVFCUH. (In Russian).

Received October 26, 2025; accepted April 4 2026

Фраза, вынесенная мною в название статьи, взята из письма от 9/21 февраля 1838 г., которое Александр Иванович Тургенев написал из Парижа московскому почт-директору Александру Яковлевичу Булгакову¹; речь идет о дочери Булгакова Ольге Александровне, в замужестве княгине Долгоруковой; вторая дама, упомянутая в письме, — тоже русская, Анастасия Семеновна Хлюстина, в замужестве графиня де Сиркур; обоих Тургенев увидел на одном из парижских балов.

Словарь церковнославянского и русского языка 1847 г. указывает для слова *туалет* два значения: 1) 'уборный столик с зеркалом' и 2) 'одевание в нарядное платье' [Словарь 1847 (4): 303]. Очевидно, что с одевания значение метонимически перешло на само это платье, и именно в этом значении, хотя и не зафиксированном в данном словаре, слово *туалет* существовало в литературе как минимум с начала XIX в.; ср., например, в первой главе «Евгения Онегина»: «В последнем вкусе туалетом / Заняв ваш любопытный взгляд, / Я мог бы пред ученым светом / Здесь описать его наряд» [Пушкин 1937–1959 (6): 16]. И именно в этом смысле Тургенев пишет о туалете. А «встретились»? Тот же словарь поясняет как отдельный фразеологизм: «*Встретиться в мыслях*: зн[ачит] попасть на одинаковую с другим мысль» [Словарь 1847 (1): 184]. 2 марта / 19 февраля 1841 г. Тургенев употребляет в письме к Е. А. Свербеевой этот глагол именно в таком

¹ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 79. Оп. 1. № 48. Л. 46.

контексте, рассказывая о реакции французского литератора Адольфа Лебра на проповедь доминиканца Лакордера, которую они слушали вместе и на которую отреагировали с одинаковым негодованием, поскольку были возмущены переполнявшим эту проповедь французским национализмом: «Мы встретились во всех замечаниях и угадывали друг друга, возражая проповеднику — национального христианства!»² В случае с двумя дамами Тургенев просто заменил нематериальную составляющую — мысли — на материальную — наряды. И поскольку его адресат А. Я. Булгаков хорошо понимал, о каком туалете идет речь, его, по всей вероятности, такой перенос ничуть не удивил. Современный же читатель, если он не знает, что слово *туалет* в русском языке стало синонимом отхожего места только в XX в.³, вообще не поймет, отчего эта встреча удостоилась специального упоминания, а если знает или предполагает, что во времена Тургенева место, где дамы могли встретиться, именовалось *уборной* или *туалетной комнатой*, но никак не *туалетом*, улыбнется этой встрече как нелепице.

Между тем ничего нелепого в поведении тургеневских знакомиц не было, а оба слова в его фразе законно старинные, хотя *встретиться в чем-либо*, если речь идет об интересующем нас значении, — выражение очень редкое, в отличие от французского выражения *se rencontrer sur un point*, синтаксической калькой которого оно является. Однако при всей несомненной законности и старинности этих слов переводчику стилистически нейтрального текста XIX в. от такой «встречи» лучше воздержаться (если, конечно, перед ним не стоит специальная задача произвести комический эффект).

И таких слов и выражений в русских текстах первой половины XIX в. обнаруживается немало. Они звучат очень ярко и сразу выдают свою старинную природу; казалось бы, переводчику иностранных произведений того же времени, если он заинтересован в так называемой темпоральной стилизации и стремится обозначить дистанцию между нашим временем и временем написания переводимого произведения, нет ничего лучше, чем черпать из русских текстов эти самые яркие слова и выражения. Весь вопрос в том, как широко стоит пользоваться этой сокровищницей и все ли эффектные выражения уместно впускать в перевод.

Собственно, моя заметка — размышления не лингвиста и не переводоведа, а практического переводчика французских произведений первой половины XIX в. — представляет собой короткую (и безусловно ничуть не исчерпывающую) коллекцию таких слов и выражений 1820–1840-х годов, которые для своего времени были совершенно нормальными и,

² Отдел рукописей Института русской литературы РАН. Ф. 309. № 2550. Л. 55.

³ Судя по Национальному корпусу русского языка (НКРЯ), первое несомненное употребление слова *туалет* в этом смысле, если не считать стоящего особняком упоминания поездных туалетов в дневнике А. Н. Бенуа (1917), — в дневнике Д. М. Шварц (1939); в 1940 г. толкование этого слова как *уборной* в некоторых общественных местах появляется в словаре Д. Н. Ушакова [1994 (4). Стлб. 821–822] (последним, четвертым пунктом после *наряда*, приведения себя в порядок и столика с зеркалом). Как бы там ни было, очевидно, что в XIX в. туалет — это еще несколько не *уборная*.

казалось бы, могут на законных основаниях быть использованы переводчиком иностранных произведений этой эпохи, — однако делать это, как мне кажется, если и следует, то с величайшей осторожностью и даже с пояснениями.

Я тут, конечно, не открываю ничего особенно нового. Еще такие мастера перевода, как Н. М. Любимов и А. А. Андрес, указывали, что для перевода старого текста хороши те слова и выражения, которые

...вполне доступны для понимания современных читателей, и вместе с тем у читателей благодаря этим выражениям возникает ощущение временной дистанции [Любимов 1982: 94] —

и что

...в искусстве перевода, как и во всяком другом искусстве, не может быть готовых эталонов, раз навсегда определенных правил и решений. Не может быть единого решения и в вопросе о том, должен ли переводчик, перевыражая произведение, отделенное от нас известной исторической дистанцией, дать почувствовать современному читателю эту дистанцию и в какой мере он должен это делать [Андрес 1965: 128].

И тот же тезис встречается в современных переводоведческих трудах:

Временная стилизация — понятие переводческого искусства. Налет архаичности создается умелым, неназойливым, осторожным включением в текст устарелых слов, оборотов и синтаксических конструкций. Переводя старую прозу, следует руководствоваться особым чувством меры, не допуская сплошной архаизации текста, избегая, как было сказано, неоправданного использования архаизмов и излишнего осовременивания, неуместной модернизации языка [Виноградов 2001: 142].

Напомню еще «Послесловие переводчика», которым Ю. Я. Яхнина сопроводила свой перевод «Мемуаров» кардинала де Реца; в этой статье — одном из лучших анализов перевода, какой вообще существует на русском языке, — Юлиана Яковлевна признается, что даже имея дело с текстом далекого XVII в., предпочла избежать излишней архаизации, ведь «не говоря уже о том, что русский язык допушкинского времени звучит для нас куда более архаично, чем язык современников Реца для сегодняшнего француза, такая чрезмерная архаизация сделала бы текст достоянием узкого круга специалистов» [Яхнина 1997: 687–698].

Проблема в том, что у всех переводчиков разные критерии включения или невключения в перевод подобных архаизмов — лексических (слова, устаревшие целиком), семантических (слова, которые остались в русском языке, но изменили свое значение) и синтаксических (устаревшие синтаксические конструкции). В 2024 г. я выступала с сообщением на переводческой секции конференции «Теории и практики литературного мастерства: “Диалог с читателем”», организованной Национальным иссле-

довательским университетом «Высшая школа экономики» (Москва). Мой доклад назывался почти так же, как настоящая статья: «Туфли без задков и двуличная шаль: нужно ли шокировать читателя?» Я привела в нем далеко не все примеры из тех, какие будут представлены ниже в статье, в частности, о дамах, встретившихся в туалете, я не упоминала. Но зато я упомянула контекст, который особенно занимал меня в тот момент, да и сейчас продолжает занимать. В романе Шарля Нодье «История короля Богемии и его семи замков» (1830), перевод которого я тогда заканчивала, есть глава «Аберрация», начинающаяся в стиле галантно-эротического романа XVIII в.: повествователь объясняется в любви маркизе Кьяппапомпоза (ит. Пышнозадая), а она из кокетства останавливает его и грозит позвать служанку по имени Спинетта. По-французски эта угроза звучит как «je vais sonner Spinette» — совершенно нормальное управление глагола *sonner* во французском языке. И в русском языке XIX в. это традиционно передавалось синтаксическим галлицизмом *позвоню кого-л.*, т. е. в данном случае «позвоню Спинетту». Написать «позвоню Спинетте» невозможно, потому что современный читатель автоматически и анахронистически поймет это как «позвоню Спинетте по телефону». В переводе любого другого произведения можно было бы написать «позову Спинетту». Но в игровом романе Нодье за угрозой «позвонить» следует длинейшее перечисление музыкальных инструментов, как реальных, так и выдуманных автором, однако неизменно способных издавать звон или что-то похожее:

Но если бы она даже позвонила, это еще не значит, что Спинетта дала бы себе труд прийти! <...>

маркиза Кьяппапомпоза могла бы звонить во все колокола и колокольчики,

Балабончики, бубеноны и бубенчики,
Гремушки и кроталы,
Систры и табалы,
Треугольники и атабалы,
Тимпаны и тимпаноны,
Тимпаньолы и тимбалы,
Цимбы, цимбалоны и цимбалы,
Бурбелины, курбелины и крембалины,
Трещалки и гремелки,
Бомбарды и гимбарды,
Кастаньеты и бубны,
Тамтамы и клепалы,
Рынды и карильоны...

<...> В сапрана из Велильи, который, если верить добряку Киньонесу, сам собой извещал об избрании папы, и в колокол из Санта-Мария де Карабака, который весело раскачивался и радостно выпевал в ночь на Успение;

В колокола церковей Святого Роха и Святого Евстахия, большой колокол собора Парижской Богоматери, руанский колокол Жорж из Амбуаза и колокол Самаритянки —

Одним словом, в колокола всех размеров <...> — но Спинетта бы не пришла!

— Нет, черт подери! Ни за что бы не пришла! [Nodier 1830: 156–158].

Понятно, что в этом контексте глагол *позвать* не подходит, требуется глагол *позвонить*. Эрудированные участники конференции в один голос уверяли меня, что образованные и подготовленные читатели, а тем более читатели серии «Литературные памятники», в которой должен выйти перевод романа Нодье, ничуть не удивятся, если маркиза в моем переводе скажет: «Но прекратите же, прекратите, именем Небес, или я позвоню Спинетту». И что точно так же не удивятся они, если в каком-то другом переводе я упомяну «двуличную шаль». Для XIX в. такой точный перевод словосочетания *châle à double face* в самом деле так же нормален, как и конструкция *позвонить слугу*. Звонят слугу у Достоевского и Тургенева, Чернышевского и Фета. Эпитет *двуличная* как характеристика ткани или шали упомянут в Словаре русского и церковнославянского языка [Словарь 1847 (1): 314]⁴. Моим эрудированным слушателям на конференции «двуличная шаль» очень понравилась, и кто-то в чате написал, что она «ужасно хороша».

Она в самом деле очень хороша и колоритна, однако, ничуть не желая недооценивать своего потенциального читателя, я все-таки предполагаю, что и «позвонить Спинетту», и «двуличная шаль» в переводе текста, автор которого в этом месте не играет архаизмами, будут выглядеть «пестрыми заплатами» и приковывать к себе недоуменное внимание, какого оригинал не вызывал у своих первых читателей. С *позвонить кого-либо* дело обстоит чуть легче, хотя бы потому, что похожую форму употребил Иосиф Бродский в «Конце прекрасной эпохи»: «Сам себе наливаю кагор — не кричать же слугу — да чешу котофея...» [Бродский 1992: 162]. Но *двуличный* в современном языке — это только и исключительно ‘неискренний, лицемерный’, и «двуличная шаль» при всей ее красоте рискует вызвать недоумение, на которое она ничуть не была рассчитана.

И таких экзотических слов и выражений, или, согласно лингвистической классификации, семантических архаизмов, как я уже сказала, множество.

Продолжим тему женских туалетов. Журнал «Библиотека для чтения» описывает тенденции женской моды: «Замечено, что многие юбки непомерно вытягиваются сзади и обнаруживают стремление к хвостовидной фигуре»⁵; в другом номере того же журнала эта мысль высказана чуть иначе: «Платья все вообще очень длинные и обнаруживают явное направление к хвосту или шлейфу!»⁶, и это вполне естественно, поскольку одним из словарных значений слова *хвост* было ‘задняя часть подола, которая

⁴ Несколько примеров употребления именно в этом значении см. в книге В. В. Виноградова «История слов» [Виноградов 1999: 129]; там же приведены примеры с просторечным вариантом *двуличневый*.

⁵ Библиотека для чтения. 1837. Ч. 24. Раздел «Смесь». С. 149.

⁶ Библиотека для чтения. 1837. Ч. 20. Раздел «Смесь». С. 86.

волочится по полу» [Словарь 1847 (4): 399]. Однако позволю ли я себе употребить в переводе стилистически нейтрального портрета героини не говорю слово *хвостовидный*, но даже и хвост или наградить ее «заимобразными косами» из другого журнала⁷?

В XIX в. словом *движимость* обозначали не только движимое имущество, но и «способность к движению» [Словарь 1847 (1): 309]. А. И. Тургенев в 1838 г. пишет о «неудобовыразимой подвижности» лорда Брума [Тургенев 1964: 169]; П. В. Анненков в 1842 г. вспоминает «ртутную подвижность» Парижа, а в 1848 г. упоминает «легкую подвижность» французской нации [Анненков 1983: 71, 154]; Н. И. Греч в бытность свою в Париже летом 1837 г. видит издали Бальзака и любит его «его умною улыбкою, быстрым движением глаз, подвижностью языка» [Греч 1839: 139]. То есть для всех этих авторов подвижность (в смысле подвижность) человека или целой нации — вещь совершенно обыкновенная, но награжу ли я в переводе текста XIX в. какого-нибудь персонажа такой подвижностью? Пожалуй, нет, потому что современный читатель, скорее всего, воспримет это как переводческую неловкость.

Переводчик статьи Бальзака «Нынешнее состояние французской литературы» в журнале «Московский телеграф» (1833. Ч. 52. С. 154) пишет: «Вот произведения высокой литературы, освященные, впрочем, живыми сострастиями». «Живым сострастиям» соответствуют в оригинале «*de vives sympathies*» [Balzac 1996: 1225]. *Сострастие* присутствует в словаре XIX в. с определением «согласность чувствований, сочувствие, симпатия» [Словарь 1847 (4): 192]; его употреблял, и даже не один раз, в повестях «Фрегат “Надежда”» и «Он был убит» А. А. Бестужев (Марлинский) [Бестужев-Марлинский 1981 (2): 206, 322], но осмелюсь ли я в переводе поставить вместо *сочувствия* — *сострастие*? Его также, видимо, примут не столько за примету эпохи, сколько за неуклюжую переводческую новацию.

В XIX в. у глагола *председательствовать* был точный синоним *председать*. И потому Н. А. Некрасов и А. Я. Панаева в романе «Мертвое озеро» (1851) могли написать о празднике в помещичьем доме: «Ужин был накрыт в разных комнатах: в одной — председательствовала хозяйка дома, а в другой хозяин» [Некрасов 1985: 188]. Но я, пожалуй, не стала бы заставлять председательствовать в каком-нибудь собрании француза того же времени. Потому что читатели, вероятно, также отнесли бы это на счет переводческого своеволия.

В XIX и начале XX в. было принято употреблять применительно к камере или келье прилагательное *одинокий*, хотя словарь применяет этот эпитет только к людям, а не к помещениям [Словарь 1847 (3): 49]. Греч, например, пишет о Шарле Нодье, что он в молодости был «посажен в одинокую тюрьму» [Греч 1839: 135]. Но в современном языке камера не *одинокая*, а *одиночная*, и потому, хотя, строго говоря, «одинокая камера» встречается и в некоторых русских текстах XX в., большинство читателей, скорее всего, сочтут «одинокую камеру» следствием опечатки.

⁷ Московский телеграф. 1825. Ч. 1. Прибавление. С. 2.

И примерно так же будут выглядеть в современном переводе «туфли без задков», т. е. домашние туфли без задников, которые носил персонаж тургеневских «Отцов и детей» Павел Петрович Кирсанов [Тургенев 1981: 21], хотя сами по себе они хороши ничуть не меньше «двуличной шали».

В предыдущих случаях смысл архаизмов в общем более или менее понятен, и старинное слово просто выглядит странным.

Но есть случаи, когда у такого слова с течением времени полностью изменяется смысл.

Гульбище словарь XIX в. толкует как «место, определенное для гулянья» [Словарь 1847 (1): 302], и потому участник взятия Парижа в 1814 г. А. Г. Краснокутский спокойно мог определить пространство перед парижским Домом инвалидов как «приятное, веселое гульбище» [Краснокутский 1819: 26], а уже упомянутый Греч называть «любимым гульбищем» парижан сад Тюильри [Греч 1847: 397]. Но в современном языке *гульбище* обозначает либо деталь старинной русской архитектуры (галерея вокруг здания храма), либо — гораздо чаще — гульбу, кутеж. Поэтому если современный переводчик французского текста XIX в. отправит персонажей этого текста на гульбище, он невольно бросит тень на их моральный облик и превратит их без всяких на то оснований из простых прогуливающих в кутил и гуляк.

А бывает, что старинное слово и вообще не сразу можно понять.

Александр Вельтман описывает заглавную героиню повести «Эротика»: «Стан ее был величествен, перехват тонок, грудь пышна, шея бела, румянец пылок» [Вельтман 1836: 106]. В данном случае из контекста трудно вывести, что *перехват* — это талия. Но понятен ли будет этот перехват в переводе какого-то другого портрета?

В XIX в. было принято, говоря об актерах или ораторах, употреблять слово *óрган* без всяких дополнений в значении ‘голос’. «Заметили ль, какой у него густой и приятный орган? Я уверена, у него должен быть или бас или баритон», — говорят о заглавном герое романа Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году» [Загоскин 1987: 371]. Надежда Дурова, вспоминая, как гаркнула на своего коня, сокрушается: «Я сердилась сама на себя за свой вынужденный подвиг: за оскорбление, нанесенное нежности женского органа моим богатырским возгласом!» [Дурова 1988: 208], а Греч восхищается Ламартином: «Орган его прелестный и увлекательный; особенно он умиляет женские умы и сердца» [Греч 1847: 450]. Но для читателя XXI в., который, скорее всего, не помнит об этом устаревшем значении, не будет ли странным употребление в переводе слова *óрган* в качестве синонима голоса (о «женском óргане» и говорить не приходится)?

И даже такой простейший галлицизм, как *слово* в значении ‘разгадка’ понятен сейчас далеко не для всякого. П. А. Вяземский пишет в переводе романа Бенжамена Констан «Адольф»: «Тогда постиг я слишком явно слова сей ужасной загадки» [Констан 2006: 84]. «Слово загадки» — это точный перевод французского *le mot de l'énigme*; во французском одно из значений *le mot* — это именно разгадка. Отсюда в седьмой главе «Евгения

Онегина»: «Ужель загадку разрешила? Ужели *слово* найдено?» [Пушкин 1937–1959 (6): 149]. Пушкин выделяет *слово* курсивом как раз для того, чтобы напомнить: *слово* в данном случае не просто слово, а разгадка. Но все ли помнят разъяснение Лотмана по этому поводу [Лотман 1995: 692], и если я напишу в переводе французского текста, что кто-то нашел слово, все ли поймут, о чем идет речь?

А можем ли мы употребить в переводе галлицизм *парировать* не в современном смысле ‘возражать’ или ‘отражать удар’, а в значении ‘заключать пари, биться об заклад’, как это делает не только смешной галломан Сын в фонвизинском «Бригадире», но и персонаж романа Д. Н. Бегичева «Семейство Холмских» Удушьев, который рассказывает про другого игрока, что тот «не отказывался ни от одного пари и иногда парировал в пяти или шести столах» [Бегичев 1841: 91], или персонаж повести Бестужева (Марлинского) «Испытание», который на маскараде «готов парировать», что увиденная им вдали фигура — некий ротмистр [Бестужев-Марлинский 1981 (1): 210]?

Пресса и словари XIX в. одаряют иногда чрезвычайно колоритными переводами французских слов. Например, французский *alarmiste* во французско-русском словаре Н. П. Макарова переводится не только транскрипцией *алармист*, но и выразительным словом *тревожник* [Макаров 1890: 40]⁸; «Северная пчела» 5 февраля 1841 г. ту разновидность клакеров в театре, которая именуется по-французски *chatouilleur* (дословно «щекотальщик»), предлагает по-русски называть «зачинало или зажига-ло»; переводчик Бальзака в 1846 г. передает французское *quêter* ‘собирать пожертвования’ как «ходить с блюдом», поскольку дамы-аристократки в самом деле собирали деньги именно таким образом [Бес 1846: 104].

Но в какой мере следует вводить эти богатства в перевод французского текста первой половины XIX в., если в оригинале нет игры с французскими архаизмами? Стоит ли нам *концепцию* переводить словом *умопонятие*, как анонимный журналист «Сына Отечества» (1832. Т. 25. С. 404), *софизмы* — словом *лжеумствования*, как переводчик Нодье А. Ф. Таушев [Нодье 1803: 116], *соперника* называть *совместником*, как поступали очень многие

⁸ Макаров дает в качестве перевода, помимо экзотического *тревожника* и прямого лексического галлицизма *алармист*, еще и описательный — «распространитель тревожных слухов». Для *алармиста* НКРЯ датирует первое употребление 1862 г., а «Исторический словарь галлицизмов» Н. И. Епишкина [2010] приводит еще *алармиста* из письма В. П. Боткина М. А. Бакунину от 1839 г., поэтому в переводе текста середины XIX в. можно употребить и его, а для более ранних текстов, пожалуй, лучше написать что-нибудь вроде «человек чересчур пугливый». Чего точно не стоит делать переводчику литературы XIX в., это использовать слово *паникер*, которое передало бы суть дела очень точно, но, увы, первое его употребление датируется в НКРЯ 1917 г., хотя слово *паника* вошло в русский язык уже в XIX в. Каюсь, я сама в 1995 г. в переводе Бальзаковской «Физиологии брака» впустила в текст этого самого *паникера*, но в переиздании 2017 г. одумалась и написала: «Иные чересчур пугливые люди воскликнут, что подобная перемена в наших нравах породит ужасную распушенность...» [Бальзак 2017: 151] (речь, между прочим, идет ни много ни мало о праве девицы отдаваться любимому мужчине до брака, чтобы как следует его узнать).

авторы XIX в., а вместо *непринужденности* писать *бестребовательность*, как это делает журналист «Московского телеграфа», поясняя в скобках: «le sans-*façon*» (1833. Ч. 50. С. 256), при том что в русском языке уже тогда существовали *концепция* и *софизмы*; были широко употребительны *соперники* и *непринужденность*? Прислушаемся ли к Пушкину, который в середине сентября 1831 г. писал Е. М. Хитрово, что самым точным переводом французского слова *résignation* ('безропотность' или *резиньяция*, которую по-русски неоднократно использовал И. С. Тургенев) будет *столбняк* [Пушкин 1937–1959 (14): 625]?

Казалось бы, нет ничего лучше для того, чтобы дать читателю XXI в. почувствовать временную дистанцию между его временем и временем переводимого произведения. Но что позволено современнику, не всегда позволено потомку: слово или выражение, бывшее в позапрошлом веке обычным, в наше время будет привлекать к себе внимание, на которое оно в оригинале не было рассчитано и которого по этой причине не заслуживает. Поэтому прибегать к таким словам надо, как мне кажется, с большой осторожностью, а памятуя о том, что со времен Аристотеля «известное известно немногим», в тех случаях, когда без архаизма не обойтись, снабжать его лингвистическим примечанием переводчика, как в результате сделала я в случае с маркизой, которая грозила «позвонить Спинетту».

Всем пишушим о переводе памятно слова М. Л. Гаспарова из давней (1971) статьи «Брюсов и буквализм»: «Перевод “вольный” стремится приблизить подлинник к читателю и поэтому насилует стиль подлинника; перевод “буквалистский” стремится приблизить читателя к подлиннику и поэтому насилует стилистические привычки и вкусы читателя. (Насилие над подлинником остается ощутимым лишь для неширокого круга лиц, способных сверить перевод с подлинником; насилие над привычным стилем, или, как часто демагогически выражаются, над “родным языком”, ощутимо для всех читателей, и поэтому протест против него имеет возможность прорываться чаще и громче)» [Гаспаров 2023: 924].

Из сказанного выше можно сделать вывод, что я предлагаю всегда идти за усредненными читательскими предпочтениями и даже им потакать, не «будоражить» читателя излишне странными на современный вкус словами и выражениями и тем самым, если воспользоваться гаспаровским выражением, «насилую стиль подлинника». Однако мне кажется, что насилуем над этим стилем стало бы как раз злоупотребление такими словами, которые современному читателю кажутся архаизмами, но для авторов и читателей XIX в. таковыми не были.

Тем не менее есть случаи, когда потакать читателю не стоит, потому что иначе переводчик совершенно исказит картину повседневной жизни прошедшей эпохи. Никакому переводчику, надеюсь, не придет в голову называть парижский фиакр (четырёхместный наемный экипаж, запряженный двумя лошадьми) парижским такси, хотя по сути фиакр выполнял именно функции такси. Но слово *soulier* в текстах XIX в. иногда пере-

водится как *туфля*⁹. Между тем, если в современном русском языке, согласно словарю С. И. Ожегова [1986: 709], *туфли* — это ‘обувь, закрывающая ногу не выше щиколотки’, то в XIX в. этим словом называли в России только домашние туфли (ср. упомянутые выше «туфли без задков»), которым по-французски соответствует слово *pantoufles* и которые в русских контекстах соседствуют исключительно с халатом¹⁰. Упомянутые выше «туфли без задков» Павла Петровича Кирсанова — это именно домашние туфли, которыми он заменил, перейдя из столовой в свой кабинет, выходные «лаковые полусапожки». А как же переводить *soulier*? Увы, только как *башмак* или в крайнем случае *башмачок*. Хотя для современного сознания башмак — это что-то тяжелое и грубое, не дамское и не бальное. А между тем знатные дамы ездили на бал именно в башмаках. Об этом свидетельствует, например, модное приложение к «Московскому телеграфу» (1833. № 11. Июнь. Без паг.), где, на радость историку перевода, тексты приведены и по-французски, и по-русски.

Французский текст:

Les souliers de gros de Naples ou peau satinée de couleur, sont les seuls permis. Ceux de satin, malgré la saison, se portent aussi le soir. Les souliers de prunelle sont devenus si communs, qu'il faut les abandonner, avec les brodequins en prunelle et peau, que déjà en hiver on ne portait pas dans un certain monde —

переведен здесь следующим образом:

Башмаки гроденаплевые или из атласистой кожи: вот единственная обувь, которую допускает мода. Еще вечером носят атласные, несмотря на время года. Прюнелевые башмаки сделались так обыкновенны, что необходимо оставить их, так же как прюнелевые с кожей полусапожки, которых уже прошедшую зиму щеголихи не носили.

И это, конечно, не своеволие переводчика «Московского телеграфа», а языковая норма. Другие журналы описывают моду в тех же терминах.

⁹ Например, в мастерском переводе романа Бальзака «Блеск и нищета куртизанок», выполненном уже больше полувека назад Н. Г. Яковлевой, сводня Азия появляется обутой «в туфли ирландской кожи» [Бальзак 1951–1955 (9): 148], хотя по-французски она обута не во что иное, как в «*souliers de peau d'Irlande*» [Balzac 1976–1981 (6): 568]. А в переводе «Шагреновой кожи» Б. А. Грифцова Рафаэль де Валантен является на бал, обутой в «скверно сшитые туфли» [Бальзак 1951–1955 (13): 72], хотя в оригинале на нем «*des souliers mal fait*» [Balzac 1976–1981 (10): 122], и точно в те же *souliers*, только, напротив, очень аккуратные, обут на ангулемском балу в «Утраченных иллюзиях» Люсьен де Рюбампре, который в переводе уже упомянутой Н. Г. Яковлевой появляется там в «бальных туфлях» [Balzac 1976–1981 (5): 675; Бальзак 1951–1955 (6): 578]. Как станет ясно из дальнейшего, всем эти *souliers* по-русски должны соответствовать не *туфли*, а *башмаки*. Впрочем, справедливости ради следует добавить, что в этих же переводах в некоторых других случаях именно так и сделано.

¹⁰ Кроме того, *туфля* по-русски бывает еще папская (по-французски *pantoufle* или *mule*) или восточная, турецкая (по-французски *babouche*).

«Литературное приложение к “Русскому инвалиду”» точно так же переводит «des souliers de satin noir» как «черные атласные башмаки» (1831. № 1. 3 января). И французско-русский разговорник 1846 г. четко отличает *souliers* от *pantoufles* и переводит первые как *башмаки*, а вторые как *туфли* [Книжка 1846: 61]. А «Современник» 1851 г. сталкивает в одном абзаце бальные башмаки и туфли (очевидно домашние):

Бальные башмаки неизменны: атласные, под цвет платья. Зато вся фантазия лучших парижских и петербургских башмачников видна в дамских туфлях. Их делают бархатные, шитые золотом, и обшивают такой же бахромой. Стеганные атласные обшиваются лебяжьим пухом, бархатные гладкие — горностаем, шелковые — кружевами и лентами¹¹.

И даже знаменитая балерина Тальони, невесомая Сильфида, обувалась в башмаки и танцевала в них! В повести И. И. Панаева «Провинциальный хлыщ» (1856) в «святилище театралов» хранится «башмак Тальони, который был на ее ноге в первое представление, когда она танцевала на петербургской сцене» [Панаев 1856: 114]¹².

В подобных случаях приходится идти наперекор современным привычным представлениям и перековывать туфли на башмаки. Но дамам встречаться в туалете позволять все равно не следует.

Источники

- Анненков 1983 — Анненков П. В. Парижские письма / Изд. подгот. И. Н. Конобеевская. М.: Наука, 1983.
- Бальзак 1951–1955 — Бальзак О. де. Собр. соч.: В 15 т. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1951–1955.
- Бальзак 2017 — Бальзак О. де. Мелкие неприятности супружеской жизни / Пер., вступ. ст. и примеч. В. А. Мильчиной. М.: Нов. лит. обозрение, 2017.
- Бегичев 1841 — [Бегичев Д. Н.] Семейство Холмских ... 3-е изд. Ч. 5. М.: В тип. Н. Степанова, 1841.
- Бес 1846 — Бес в Париже. Париж и парижане ... Ч. 1. СПб.: Изд. П. И. Мартынова, 1846.
- Бестужев-Марлинский 1981 — Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения: В 2 т. / Сост., коммент. В. И. Кулешова. М.: Худ. лит., 1981.
- Бродский 1992 — Сочинения Иосифа Бродского: [В 4 т.]. Т. 2. СПб.: Пушкинский фонд, 1992.
- Вельтман 1836 — Повести Алекс. Вельтмана. М.: В тип. Н. Степанова, 1836.
- Греч 1839 — Греч Н. Путевые письма из Англии, Франции и Германии. Ч. 2. СПб.: [В тип. Н. Греча], 1839.
- Греч 1847 — Греч Н. Парижские письма с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии. СПб.: В тип. Карла Крайя, 1847.

¹¹ Современник. Т. 25. 1851. Отд. 6. С. 285.

¹² Напротив, у Чехова в повести «Дуэль» (1891) подчеркнуто, что Лаевский ходит по улице в туфлях — хотя, казалось бы, и так ясно, что не босиком; просто Чехов под туфлями явно подразумевал домашние туфли.

- Дурова 1988 — Избранные сочинения кавалерист-девицы Н. А. Дуровой / Сост., вступ. ст. и примеч. В. Б. Муравьева. М.: Моск. рабочий, 1988.
- Загоскин 1987 — *Загоскин М. Н.* Сочинения: В 2 т. / Сост., вступ. ст., коммент. А. М. Пескова. Т. 1. М.: Худ. лит., 1987.
- Книжка 1846 — Книжка французско-русских разговоров. Одесса: Изд. книгопродавца К. Тотти, 1846.
- Констан 2006 — *Констан Б.* Проза о любви / Сост., вступ. ст., пер. и коммент. В. А. Мильчиной. М.: ОГИ, 2006.
- Краснокутский 1819 — *Краснокутский А.* Взгляд русского офицера на Париж во время вступления Государя Императора и союзных войск в 1814 году. СПб.: В Морской тип., 1819.
- Некрасов 1985 — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 10. Ч. 2. Л.: Наука, Ленингр. отд.-е, 1985.
- Нодье 1803 — *Нодье Ш.* Изгнанные / Пер. А.Ф. Таушева. М.: В Университет. тип. Ггария, Любия и Попова, 1803.
- Панаев 1856 — Хлыщи: Рассказы И. Панаева. СПб.: В тип. Гл. штаба по воен.-учеб. заведениям, 1856.
- Пушкин 1937–1959 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1937–1959.
- Тургенев 1964 — *Тургенев А. И.* Хроника русского. Дневник (1826–1826) / Изд. подгот. М. И. Гиллельсон. М.; Л.: Наука, 1964.
- Тургенев 1981 — *Тургенев И. С.* Сочинения: В 12 т. Т. 7. М.: Наука, 1981.
- Balzac 1996 — *Balzac H. de.* Œuvres diverses. Т. 2. Paris: Gallimard, 1996.
- Nodier 1830 — *Nodier Ch.* Histoire du roi de Bohême et de ses sept châteaux. Paris: Delangle frères, 1830.

Справочные издания

- Епишкин 2010 — *Епишкин Н. И.* Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: ЭТС, 2010. [Цит. по электрон. републ.]. URL: <https://gallicismes.academic.ru/>.
- Макаров 1890 — Полный французско-русский словарь / Сост. Н. П. Макаровым. 6-е изд. Ч. 1. СПб.: Изд. Н. П. Макарова, 1890.
- Ожегов 1986 — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 18-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1986.
- Словарь 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка / Сост. Вторым отд-ем Имп. Акад. наук: [В 4 т.]. СПб.: В Тип. Имп. Акад. наук, 1847.
- Ушаков 1994 — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Рус. словари, 1994. [Репринт. изд. 1939–1940].

Литература

- Андрес 1965 — *Андрес А.* Дистанция времени и перевод (Некоторые мысли и наблюдения) // Мастерство перевода. 1964 / [Ред. кол.: К. И. Чуковский и др.]. М.: Сов. писатель, 1965. № 5. С. 118–131.
- Виноградов 1999 — *Виноградов В. В.* История слов. [2-е изд.] / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: [б. и.], 1999.
- Виноградов 2001 — *Виноградов В. С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во Ин-та общего среднего образования РАО, 2001.
- Гаспаров 2023 — *Гаспаров М.* Собр. соч.: В 6. Т. 5. М.: Нов. лит. обозрение, 2023.

- Лотман 1995 — *Лотман Ю. М.* Пушкин. Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб.: Искусство-СПб, 1995.
- Любимов 1982 — *Любимов Н. М.* Перевод — искусство. М.: Прогресс, 1982.
- Яхнина 1997 — *Яхнина Ю. Я.* Послесловие переводчика // Рец, кардинал де. Мемуары / Изд. подгот. Ю. Б. Виппер, А. Ф. Строев, Ю. Я. Яхнина. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир»; Наука, 1997. С. 692–707.

References

- Andres, A. (1965). Distantiia vremeni i perevod (Nekotorye mysli i nabliudeniia) [Distance of time and translation (Some thoughts and observations)]. In K. I. Chukovskii (Ed.). *Mastersivo perevoda. 1964* (pp. 118–131). Sovetskii pisatel'. (In Russian).
- Gasparov, M. (2023). *Sobranie sochininii* [Collected works] (Vol. 5). Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Iakhnina, Iu. Ia (1997). Posleslovie perevodchika [Translator's afterword]. In Iu. B. Vip-per, A. F. Stroev, & Iu. Ia. Iakhnina (Eds.). *Kardinal de Rets. Memuary* (pp. 692–707). Nauchno-izdatel'skii tsentr "Ladomir"; Nauka. (In Russian).
- Liubimov, N. M. (1982). *Perevod — iskusstvo* [Translation is an art]. Sovetskaia Rossiia. (In Russian).
- Lotman, Yu. M. (1995). *Pushkin: Biografiia pisatel'ia; Stat'i i zametki, 1960–1990; "Evgenii Onegin": Kommentarii* [Pushkin: Biography of the writer; Articles and notes, 1960–1990; *Eugene Onegin*: Commentary]. Iskusstvo-SPb. (In Russian).
- Vinogradov, V. S. (2001). *Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy)* [Introduction to translation studies (general and lexical issues)]. Izdatel'stvo Instituta obshchego srednego obrazovaniia RAO. (In Russian).
- Vinogradov, V. V. (1999). *Istoriia slov* [History of words] (n. p.). (In Russian).

Информация об авторе

Вера Аркадьевна Мильчина

кандидат филологических наук
ведущий научный сотрудник,
Лаборатория историко-культурных
исследований, Школа актуальных
гуманитарных исследований,
Институт общественных наук,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 84
✉ vmilchina@gmail.com

Information about the author

Vera Arkadievna Milchina

Cand. Sci. (Philology)
Leading Researcher, Center for Studies
in History and Culture, School
of Advanced Studies in the Humanities,
School for Social Sciences, The Russian
Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Verнадskogo, 84
✉ vmilchina@gmail.com